

W KRĘGU PROBLEMÓW ANTROPOLOGII LITERATURY

CIAŁO I RZECZ W LITERATURZE

STUDIA POD REDAKCJĄ

WANDY SUPY I IWONY ZDANOWICZ

BIAŁYSTOK 2016

Recenzenci:

prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz
dr hab. Alina Orłowska
dr hab. Halina Tvaranovitch, prof. UwB
dr hab. Dariusz Kulesza, prof. UwB

Projekt okładki:

Redakcja i korekta

Barbara Piechowska (jęz. polski)
Agata Rozumko (jęz. angielski)
Iwona Zdanowicz (jęz. rosyjski)
Bazyli Siegień (jęz. białoruski i ukraiński)

Redakcja techniczna i skład:

Bartosz Kozłowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku, Białystok 2016

Wydanie publikacji sfinansowano ze środków
Wydziału Filologicznego Uniwersytetu w Białymstoku

ISBN 978-83-7431-491-6

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
15-097 Białystok, ul. M. Skłodowskiej-Curie 14, (85) 745 71 20
<http://wydawnictwo.uwb.edu.pl> e-mail: ac-dw@uwb.edu.pl

Druk i oprawa:

SPIS TREŚCI

Ciało i rzecz w literaturze

Татьяна Автухович Оппозиция нагой/одетый человек в современной культуре	15
Joanna Getka Lekarstwa, narzędzia i metody leczenia w domu w XVIII wieku (na materiale porad z druków bazyliańskich)	33
Валентина Бондаренко Вещный мир в традиционных русских колыбельных песнях	49
Weronika Dulęba Jak kocha kamień? Status przyrody nieożywionej w wybranych utworach Marii Sadowskiej	59
Walentyna Jakimiuk-Sawczyńska Роль предметов в жизни и творчестве Тэффи	71
Евдокия Нестерова Золотая окружность – вещная судьба мира	81
Rafał Siwicki W kręgu najprostszych rzeczy. Rola przedmiotów w <i>Białym statku</i> Czingiza Ajtmatowa	91
Magdalena Ślawska <i>Leksikon YU mitologije</i> , czyli przeszłość zaklęta w rzeczach	103
Marta Zambrzycka Używki w powieści kryminalnej na przykładzie powieści Erika Axla <i>Sunda Oblicza Victorii Bergman</i>	117

Ольга Бараш Метафізика вещи в творчестве «бездомных» поэтов (Збигнев Херберт и Иосиф Бродский)	129
Ирина Коган Вещный мир современной российской детской поэзии	141
Beata Siwek Символика реквизита в современной белорусской драматургии	149
Вольга Нікіфарова Рэчы, дарагія сэрцу, у мастацкім свеце лірычнай прозы Янкі Брыля	165
Iwona Mityk Kondycja ludzi i rzeczy w wybranych opowiadaniach Andrzeja Stasiuka	177
Кира Гордович Мотивы и образы в книге Л. Улицкой <i>Священный мусор</i>	191
Dorota Żygadło-Czopnik „O czym rzeczą rzeczy”, czyli wspomnienia rodzinne w powieści <i>Zaziemie</i> Jany Šrámkovej	197
Monika Knurowska Świat rzeczy w zbiorze opowiadań Asara Eppela <i>Trawiasta ulica</i>	211
Анна Синицкая «При помощи вещей»: сюжет как rebus в новейшей драме	227
Валентина Біляцька Функція речі в ритуалі та повсякденному житті (на матеріалі українських історичних романів у віршах)	243
Наталія Городнюк Концепт машини у модерністському романі 20-х рр. ХХ ст.: компаративні аспекти	255
Нина Мороз Метафізика искусственного тела в новеллистике Р. Брэдбери (<i>Электрическое тело пою!</i>)	269

Ирина Плеханова Метаморфозы тела в одноактной драматургии Л. Петрушевской	281
Анастасия Липинская Что значит быть человеком? Тело и машина в новеллизациях ролевой игры <i>Warhammer</i>	295
Андрей Марданов Феномен замещающей реальность симуляции в творчестве Мартина Эмиса	305
Татьяна Светашёва Новые твёрдые поэтические формы в русскоязычном Интернет-пространстве	315
Юрий Лабынцев Современное интернетвидение героики защитников крепости Осовец как кибертекст	327

Валентина Бондаренко

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

Вещный мир в традиционных русских колыбельных песнях

Адресатом традиционных колыбельных песен являются младенцы доречевого периода развития, младшие дети в период начального овладения языком. Поэтому зачастую исследователи не придавали особого значения коммуникативной значимости колыбельных. По нашему мнению, слово в колыбельных песнях воздействует не только на непосредственного адресата – т.е. укачиваемого младенца, но и на более старших детей, которые являются необходимым звеном сохранения и передачи фольклорной традиции пестования.

Основной функцией колыбельных песен, по мнению многих исследователей (и большинства исполнителей) является функция укачивания, успокоения, погружения в сон. Однако «главной личностной задачей младенческого периода является формирование так называемого «базового доверия к жизни» – интуитивной уверенности человека в том, что жить хорошо и жизнь хороша»¹. Если опираться на мнение ученых, исследующих формирование личностной картины мира, утверждающих, что «возникшая в сознании ребенка картина мира в значительной степени зависит от освоенных им текстов»², то становится очевидной важность традиционных текстов материнского фольклора, особенно колыбельных, для освоения младенцем культурных кодов нации, что, в свою очередь, позволяет говорить о безусловно развивающем влиянии традиционных текстов материнского фольклора на воспитание языковой личности.

¹ М.В. Осорина, *Секретный мир детей в пространстве взрослых*, Санкт-Петербург 2010, с. 23.

² Т.Д. Попкова, *Философско-антропологические аспекты детства*, [в:] *Антропологические основания теоретического мышления: материалы научной конференции*, Екатеринбург 2005, с. 223–225.

Нас интересуют тексты традиционных колыбельных песен с точки зрения отражения ими основных элементов вещной картины мира: интерьера, одежды, пищи, предметов обихода, предметной атрибутики внешности героев. По мнению известного фольклориста В. П. Аникина³, все известные тексты традиционных колыбельных песен можно отнести в той или иной степени к нескольким десяткам основных сюжетных тем, что дает нам возможность говорить обобщенно о роли традиционных колыбельных песен в формировании национальной картины мира и воспитании русской языковой личности⁴. Вещный мир русских колыбельных песен ярок, радостен, полон любви к младенцу, родному дому, земле. От центра мира, в котором находится ребенок, пространство концентрически расширяется. Такая композиция пространства характерна для традиционной картины мира⁵.

Поскольку «фольклорное слово всегда ценностно ориентировано, оно не только обозначает понятие или реалию, но и выражает свое отношение к ним»⁶, каждое упоминание в колыбельных песнях предметов вещного мира не случайно, а обусловлено задачами включения младенца в культурное поле этноса, воспитания доверия к миру, обозначения должного и недолжного поведения, обеспечения безопасного существования младенца в этом мире.

Понятие дома, родного пространства выражено в колыбельных и словесно, и имплицитно: это и упоминания дома, завалинки, ворот, терема, сеней, горенки, это и хозяйственная деятельность внутри дома (приготовление пищи в печи, совместная трапеза), приглашение ночевать (приди, котя, ночевать, нашу деточку качать), это и обозначение пространства вокруг дома – от хозяйственных построек (ворота, вороточки, воротцы, сарай, двор) и до находящихся в отдалении улицы, пашенки, реки, лужка, леса, моря, заморья, торжка, базарчика, ярмарки, лавки, Питера.

Пространство внутри дома организовано с точки зрения обеспечения безопасности младенца в разные периоды его развития. По-

³ В.П. Аникин, *Начало всех начал*, [в:] *Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып.1. Младенчество; Детство*, Москва 1991, с. 8

⁴ Н.Ф. Злобина, *Стиль устной словесности как фактор формирования языковой личности (по исследованиям Ф.И. Буслаева)*, «Обсерватория культуры: журнал-обозрение» 2013, № 5, с. 100-105.

⁵ А.Б. Теплова, *Формирование представлений о телесности ребенка в игровом взаимодействии с воспитывающим взрослым*, «Фундаментальные исследования. Педагогические науки» 2013, № 4, с. 1229.

⁶ Там же.

сколькx первым и наиболее безопасным местом пребывания младенца в избе была колыбель (качуля, зыбка, люлька, люлечка, колыбелечка, колыбель), поскольку колыбель «является одним из тех предметов, с которых ребенок начинает осваивать мир вещей и которые вводят его в пространство культуры»⁷, место в центре картины мира традиционных колыбельных песен занимает колыбель с младенцем. Именно этот нехитрый предмет обыденного человеческого существования получил в колыбельных развернутое описание всех частей как средоточие красоты, гармонии, безопасности. Технически устройство колыбели дается довольно точно («Колыбель, колыбелька ж. зыбка, люлька, качалка, баюкалка, колыска; она делается различно: пъяльца обшитые холстом и привешенные за углы на веревочках; кузовок на очепе, с подножкой для качанья; кровать на круглых полозках и пр.»⁸), колыбели подвешивались с помощью пояса, колец и крюка к гибкому кленовому или ореховому шесту, но материалы, из которых изготовлены детали колыбели и ее убранства, имеют символический смысл. Кольца-пробойцы серебряные, крюки золотые, ремни бархатные, пояс и подцепочки шелковые, полог шитый-браный с золотой бахромой, колыбелька золота, дубова, точеная, новоточеная, вокруг позолоченная, сверху медью околоченная, вся раскрашенная, вся расписанная – такой предстает перед нами колыбель в фольклорных описаниях. Интересно, что самая важная часть колыбели, дающая ей возможность качаться, – очеп, – всегда простой – кленовый, ореховый, то есть такой, каким пользовались исполнители. Ребенок находится в центре безопасного мира, место его пребывания должно быть красочным, богатым, самым лучшим, крепким, не поддающимся никакой порче, что подчеркивает важность и ценность самого младенца в иерархии ценностных смыслов.

Песни, в которых дается развернутое описание колыбели, построены обычно концентрически: от более широкого пространственного круга (изба, сени) мир суживается до лежащего в колыбели младенца:

Сон ходит по сеним,
Дремота – по новым
А сон ходит, спрашивает:
- Где моей Аннушки
Люлечка висит? –
А ее люлечка –

⁷ Д.А. Баранов, *Символические функции русской колыбели*, [в:] *Славяно-русские древности. Вып.3; Проблемы истории Северо-Западной Руси*, Санкт-Петербург 1995, с. 235.

⁸ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва 1989, Т. 2, с. 144.

Во высоком терему,
 В шитом браном пологу,
 Шитый браный положок –
 С золотой бахромой,
 Кольца, пробойцы –
 Серебряные,
 Крюк золотой,
 Тесьмы шелковые.
 А вся люлечка
 Да она точеная,
 а вокруг она
 Да позолоченная,
 А в той люлечке
 Аннушка качается,
 Ивановна забавляется!⁹.

Качалась колыбель на оцепе вверх-вниз, не так, как современные колыбели, кровати и коляски. Такое покачивание является наиболее полезным физиологически, развивает вестибулярный аппарат младенца, а в народной традиции подбрасывание вверх – залог роста, благополучия, здоровья. Не случайно колыбель всегда «в высоком терему», так как семантика слова «высокий» имеет положительную окраску – противоположный низкому, направленный вверх, к горнему миру.

Глубокий смысл имеет включение в интерьер колыбели образов святых, Иисуса Христа, Богородицы и «крестной силы», то есть настоящего креста. Непременным атрибутом любой крестьянской избы были иконы Спасителя, Богородицы, особо чтимых святых (Николая Мирликийского, Космы и Дамиана, Архангела Михаила, Ангела Хранителя). Подобные упоминания в текстах колыбельных святых можно считать описанием артефакта:

Все хранители с тобой,
 Спас, Микола над тобой,
 Спас, Микола в головах –
 Крестна сила на грудях¹⁰.

⁹ *Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып.1. Младенчество; Детство*, Москва 1991, с. 48.

¹⁰ Там же, с. 65.

В этих строках явно говорится об иконах, висящих над изголовьем колыбели, и о нательном крестике младенца, который является собой прообраз крестного знамения, «силы крестной».

Внутренне убранство избы и внешнее пространство двора в колыбельных отражено не только через упоминание отдельных предметов интерьера (лавочка, подушечка, одеяльце, перинка), но и через название видов хозяйственной деятельности (боронить пойдешь, будешь сено косить), описание действий выросшего младенца (будешь в церковь ходить, выучишься в книге). При всей лаконичности и краткости текстов колыбельных в них дается достаточно полная картина как вещного, предметного мира, так и мира отвлеченного, мира социальных отношений, мира духовного, мира мифологического¹¹.

Предметы в традиционных колыбельных не только именуется, часто они даны в действиях, моделирующих положительные социальные стереотипы поведения младенца в дальнейшем, регламентирующих взаимоотношения с другими членами семьи, дающих установку на весь дальнейший жизненный путь:

Вырастешь большой,
Станешь под окошком сикарёк,
На полоске – пахарёк,
В темном лесе – лесничок.
Станешь птичку ловить
И родителей кормить¹².

Пространство дома, избы включает сени, терем, пол, лавки, окошки, печь, кровать и центральный артефакт – зыбку, колыбель, люлечку, качулю. Окна, окошечки в избе красные, с хрустальным стеклом. Внутри избы стоит печь, лавочки, тесовая кровать с перинкой пуховой (перина, перинка, пушок), в некоторых колыбельных в ней «много перья петухова». Есть подушечка мягка, бела, зголовье высоко, одеяльце шелковое, мишурненькое, соболиное. На лавочках полно ребят, которые едят крашеными ложками «кашку мазную» (масляную), кашку с маслицем, кашку с молочком, яблочки. Пекутся в избе блины и «олашки» (олады), макаются в масличко. «Вицей» (прутиком) детей не секут, вместо этого предлагают испечь яичко. Старым старушкам дарят «мягкий калач, да еще с патокою», детям – прянички, калачики, яблочки, медок, рожочек с молочком, калачики с мед-

¹¹ А.Б. Теплова, *Образный мир русских колыбельных песен как основа становления картины мира ребенка*, «Педагогика искусства» 2013, № 1, с. 77-83.

¹² *Мудрость народная. Жизнь...*, с. 40.

ком. Калач печется не простой, а «натертый, крутой, с посеребряной дугой», пекутся «витушки гороховые, а маленьким ребятам – кувалдышки». Есть в доме и «ржаной каравай», и уха, и «рыбка с чесночком». В погребеке хранится ситный пирог, сметанка и творог, пресное молочко и сывороточка. Котику за укачивание младенца сулят «хлебца кусок и говядинки другой», рюмку вина и конец пирога, «папы в обе лапы» («Детское: папка, хлеб, хлебец, хлебушка»¹³), «мяса кусок, молока тусок», «кусок пирога и кувшин молока», «редьки хвост, склянку вина и конец пирога». Котик приносит младенцу баранки, пирожок, находит на печи горшок каши и «калачи как огонь горячи». Картина мира, формируемая подобными установками, характеризуется устойчивостью, благополучием, безопасностью и привлекательна для ребенка.

Контент «одежда, убранство» включает в себя перечисление того, что будет носить младенец, когда вырастет, что и кому будет дарить младенец, что привозят в подарок членам семьи. Причем возможные подарки разделяются по социально-возрастным категориям адресатов, что дает младенцу представление о структуре окружающего социума, о внешних признаках определения социального статуса человека:

Мамушкам, нянюшкам –
 Обносочки дарить,
 Старым старушкам –
 По повойничку,
 Молодым молодкам –
 По кокошничку,
 Сенным девушкам –
 По ленточке.
 Золото монисто –
 То маменьке,
 Соболи, куницы –
 То папеньке...¹⁴.

Что касается предметов одежды самого младенца, то их можно разделить на две группы. Предметы одежды из первой группы, как и описания колыбели, передают в символическом виде идею богатства, высшего качества, отсутствия изъянов, порчи: кунья шуба у младенца в ногах, соболиная шапка в головах, ему сулят:

¹³ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва 1990, Т. 4, с. 16.

¹⁴ *Мудрость народная. Жизнь...*, с. 46.

«будешь в золоте ходить, чисто серебро волочить, олово да медь под ногами тереть, парчову шубу носить, золоты кольца носить, камку волочить», «спи в камке, пробудись в тафте, в алом бархате», «сарфан золотой, с ленточками, с позументочками», «станешь в бархате ходить, руки в золоте носить, бархат-атлас за ногой волочить».

Другая группа включает в себя самые обычные предметы одежды: зипун, шапочку, валенки, сапожки, – их сулят купить младенцу, – и пеленки, подстилки, – их ходят мыть (стирать) мать, сестра.

В текстах колыбельных встречается перечисление членов семьи младенца и вполне правдоподобных подарков для них, обычно именно такие покупки привозились с ярмарок: матери – китайки, отцу – кумачу (на две ластовицы), братцу – бархатцу (ластовицу, бархату на шапочку, луковку), сестре – ленточку (рукавицы, штоф дорогой), дедку – сапоги (катанцы), бабке – коты (лапанцы, трех – соболий пух), пестунье – цепочку серебряную (поцепочку серебряную). Цветовая гамма одежды в колыбельных яркая, праздничная, это алый, кумачовый, золотой, серебряный цвета.

Внешность младенца в колыбельных описывается и прямыми определениями (красавица, хорошенькая, пригоженькая, милашенька), и опосредованно, через личностные качества (хороший да баской, хорошая моя, милое дитя, золотце моё, сугревушка, теплая сугрева, отцу-матери замена), отношение исполнителя (моё дитятко, дитя маленькое, крохотанненькое, свечушка, моя светлая, маленькая, робенок дорогой, ненаглядной, золотой, милованный, ненаглядный), через будущее благополучие и отношение других людей (вырастешь велик – станут девушки любить, будешь счастливый, талантливый, будешь в золоте ходить, золоты кольца носить, камку волочить), через сравнение (примерю летом – к алому цветочку, зимой – к белому снежочку).

Хотя в песнях присутствуют наименования частей тела (сердце, грудь, ручки, ножки, головка, пузо, кулачок), они не связаны с внешностью, лицо же обозначено только упоминанием глаз (глазки закройвай). Гораздо важнее оказывается описание младенца как будущего работника, кормильца (трудницок, работницок, пахорец, сикорец, сенокосничек, отцу-матери замена, станешь родителей кормить, станет Машу кормить). Мы встречаем здесь упоминания множества повседневных крестьянских работ, младенец получает представление об основных видах хозяйственной деятельности и инструментах, труд становится неотъемлемым и ценностно значимым для личности

элементом традиционной картины мира. Запрягать коней, боронить, пахать, рубить дрова, ловить рыбу, плести лапти, шить верхнюю одежду, работать, «денежку носить», охотиться – все эти необходимые работы являются знаком своеобразной инициации, признаком принадлежности к взрослому миру.

С помощью лексики колыбельных в языковом сознании ребенка выстраивается иерархически правильно устроенный мир, отражающий реально существующие социальные и родственные связи, определяющий функции и роли предметов вещной среды, окружающих ребенка. Это мир безопасный, принимающий младенца как особую ценность, являющий собой своё, родное пространство, расширяющееся по мере взросления ребенка, прогнозирующий правильный вектор взросления, расставляющий ценностные ориентиры, намечающий цели и установки дальнейшей жизни младенца. В эстетике вещного мира традиционных колыбельных легко прослеживается связь с нравственными установками народа. Вербально-семантический ряд описаний вещной среды дает представление о системе взглядов на мир, формируемой в русском материнском фольклоре.

Таким образом, материнский фольклор, особенно колыбельные песни, позволяют сформировать у младенца традиционную картину мира. Лексика, усваиваемая младенцем из колыбельных песен, формирует не только первый уровень языковой личности, т.е. лексикон, но одновременно организует ценностно-смысловые связи между понятиями и прогнозирует цели и установки, т.е. начинает образовывать тезаурус и прагматикон языковой личности.

Если сравнить тексты традиционных колыбельных с популярными в настоящее время авторскими колыбельными, в первую очередь, с одной из самых исполняемых и известных (*Снят усталые игрушки* из ежедневной передачи *Спокойной ночи, малыши*)¹⁵, мы заметим следующее: при кажущемся разнообразии лексики, обозначающей предметы вещного мира и отвлеченные понятия (игрушки, книжки, одеяла, подушки, ночь, сказка, дом, луна, радуга, конь, слоненок, перо, жар-птица, дети, ребята, день), целостной картины мира не возникает. Более того, не возникает самого понятия «дом» в значении своего, родного, безопасного пространства. Нет обозначения младенца как своего, родного, уникального, невозможно выстроить какие-либо отношения между предметами и людьми, о которых сообщается младенцу. Базовая установка, относящаяся ко всем людям: «должны

¹⁵ З. Петрова, А. Островский, *Снят усталые игрушки*, [online], http://www.bayushki.ru/lullaby_texts_teleprogramm.htm, [16.09.2014].

все люди ночью спать», не дает ничего младенцу для понимания ценностных категорий взрослого существования. В *Колыбельной Медведицы*¹⁶ из мультипликационного фильма *Умка* текст начинается сложной метафорой, которую сложно понять детям:

Ложкой снег мешая,
Ночь идет большая...

Место дома в ней занимает льдина, окружающее пространство – седые суровые моря, соседи – белые медведи. Еще один широко известный и популярный текст – *Колыбельная Светланы*¹⁷ из кинофильма *Гусарская баллада*. В нем картина ночи (ночь, как день, светла) тоже рисуется сложными сравнениями (звезды, как веснушки; ночь, как сон, светла; лунный сад листьями сонно шелестит). Предметный мир представлен лексемами подушка, свечка, звезды; пространство – лексемами лунные поляны, лунный сад, и хотя в тексте присутствует любовное обращение к младенцу (мое сердечко), она обращена к другому младенцу (моя Светлана). Это лирическое описание не дает ребенку возможности сформировать понятную ему картину мира.

Нисколько не умаляя художественных достоинств этих лирических произведений, заметим, что использование их в качестве единственных (или основных текстов) для укачивания ребенка младшего возраста, полезно в качестве выражения любви, развития музыкального слуха, знакомства с выразительными средствами языка, но совершенно недостаточно для формирования языковой картины мира.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что использование в повседневном общении с младенцем традиционных колыбельных помогает решить важнейшую задачу коммуникативного взаимодействия поколений – формирование всех уровней языковой личности, включенной в ценностно организованную картину мира.

¹⁶ Е. Крылатов, Ю. Яковлев, *Колыбельная Медведицы*, [online], http://www.bayushki.ru/lullaby_texts_films.htm#1, [16.09.2014].

¹⁷ Т. Хренников, А. Гладков, *Колыбельная Светланы*, [online], http://www.bayushki.ru/lullaby_texts_films.htm#1, [16.09.2014].

SUMMARY

World of things in the traditional Russian lullabies

This paper discusses the features of the description of interiors, clothing and appearance in Russian folk lullabies. We investigate the linguistic role of descriptions of corporeal environment in shaping the linguistic personality. Texts of traditional Russian maternal folklore are compared with the author's lullabies. The relationship of the aesthetics of the world of things in a poetic text with the moral attitudes of the author is analyzed. Verbal and semantic descriptions of a number of corporeal environment provides insight into the belief system of the world, formed in Russian maternal folklore.

Keywords: maternal folklore, world of things, linguistic personality, lullabies, artifact.

Ключевые слова: материнский фольклор, вещный мир, языковая личность, колыбельные, артефакт.